

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-383-399>
<https://elibrary.ru/SCXMJK>
УДК 821.111.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Андрей КОФМАН

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКИ. ЛЕВ САМОЙЛОВИЧ ОСПОВАТ — К СТОЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ

Аннотация: Публикуемая статья — дань благодарной памяти и признания заслуг Л.С. Осповата, который вместе со своей женой В.Н. Кутейщиковой прокладывал в СССР пути в серьезном изучении латиноамериканской литературы. Свой путь в этой отрасли знания Лев Самойлович начал с Неруды и написал первую книгу на русском языке о чилийском поэте — «Пабло Неруда: очерк творчества» (1960). Год спустя на основе этой книги он защитил кандидатскую диссертацию. Впоследствии ее автор, критически осмысляя свой опыт, признавал, что нередко следовал официально навязанным стереотипам интерпретации творчества и эволюции чилийского писателя. Вместе с тем уже в этой книге отчетливо прослеживается стремление преодолеть официальные стереотипы (в особенности в том, что касается атрибуции поэзии Неруды к методу социалистического реализма) и понять художественный мир чилийского поэта не только в связи с его политической деятельностью. Л.С. Осповат стал широко известен как автор двух книг из серии ЖЗЛ — «Федерико Гарсиа Лорка» и «Диего Ривера» и ряда блестящих статей и предисловий. Итогом латиноамериканистских штудий Л.С. Осповата стала написанная совместно с супругой книга «Новый латиноамериканский роман», которая не утратила своего научного значения до сих пор. В конце жизни Осповат увлекся пушкинистикой и опубликовал несколько статей, содержащих интересные открытия в этой области. К статье прилагаются несколько фрагментов из воспоминаний Л.С. Осповата, которые отчасти раскрывают душу этого доброго, умного, порядочного и несуетного человека.

Ключевые слова: Л.Н. Осповат, В.Н. Кутейщикова, Пабло Неруда, Гарсиа Лорка, Диего Ривера, новый латиноамериканский роман.

Информация об авторе: Андрей Федорович Кофман, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом литературы Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3799-9343>. E-mail: andrey.kofman@gmail.com.

Для цитирования: Кофман А.Ф. У истоков российской латиноамериканистики. Лев Самойлович Осповат — к столетию рождения // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 383–399. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-383-399>.

Artículo científico
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-383-399>
<https://elibrary.ru/SCXMJK>
UDC 821.111.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Andrey KOFMAN

EN LOS ORÍGENES DE LOS ESTUDIOS LATINOAMERICANOS RUSOS. LEV SAMÓILOVICH OSPOVAT — EN EL CENTENARIO DE SU NACIMIENTO

Resumen: El artículo publicado es un homenaje a la memoria agradecida y al reconocimiento de los méritos de L.S. Ospovat, quien, junto con su esposa V.N. Kutéishchikova, allanaron el camino en la URSS en un estudio serio de la literatura latinoamericana. En este campo del estudio Lev Samóilovich inició su ruta con Neruda y escribió el primer libro en ruso sobre el poeta chileno – “Pablo Neruda: un ensayo sobre su obra” (1960). Un año después, sobre la base de este libro, defendió su tesis. Posteriormente, el autor, reflexionando críticamente sobre su experiencia, admitió que muchas veces siguió los estereotipos impuestos oficialmente sobre la interpretación de la obra y la evolución del escritor chileno. Al mismo tiempo, incluso en este libro se puede ver claramente el intento de superar los estereotipos oficiales (especialmente en lo que se refiere a la atribución de la poesía de Neruda al método del realismo socialista) y comprender el mundo artístico del poeta chileno no sólo en relación con sus actividades políticas. L.S. Ospovat se hizo ampliamente conocido como el autor de dos libros de la serie “Las vidas de los hombres ilustros” – “Federico García Lorca” y “Diego Rivera” y una serie de artículos y prefacios brillantes. El resultado de los estudios latinoamericanos de L.S. Ospovat fue el libro “La Nueva Novela Latinoamericana” escrito junto con su esposa, que hasta el momento no ha perdido su significación científica. Al final de su vida, Ospovat se interesó por los estudios de Pushkin y publicó varios artículos que contenían descubrimientos interesantes en esta área. El artículo va acompañado de varios fragmentos de las memorias de L.S. Ospovat, que revelan en parte el alma de esta persona amable, inteligente, decente y no fútil.

Palabras clave: Lev Ospovat, Vera Kutéishchikova, Pablo Neruda, García Lorca, Diego Rivera, la nueva novela latinoamericana.

Información sobre el autor: Andrey Kofman, Doctor habilitado en filología, vicedirector y jefe del Departamento de Literatura Contemporánea de Europa y América, A.M. Gorki Instituto de la Literatura Mundial de la Academia de Ciencias de Rusia, 25ª Povarskaia, 121069 Moscú, Rusia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3799-9343>. E-mail: andrey.kofman@gmail.com.

Para citar: Kofman, Andrey. “En los orígenes de los estudios latinoamericanos rusos. Lev Samóilovich Ospovat — en el centenario de su nacimiento.” *Literature of the Americas*, no. 13 (2022): 383–399. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-383-399>.

Research Article
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-383-399>
<https://elibrary.ru/SCXMKJ>
UDC 821.111.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Andrey KOFMAN

AT THE ORIGINS OF RUSSIAN LATIN AMERICAN STUDIES. LEV S. OSPOVAT — ON THE CENTENARY OF HIS BIRTH

Abstract: The article is a tribute to the famous scholar Lev Samoilovich Ospovat, who together with his wife Vera N. Kuteishchikova, paved the way for the Latin American literary studies in the USSR. Lev Samoilovich started with his studies of Pablo Neruda's life and work; he was the first to write and publish a book in Russian on the Chilean poet, *Pablo Neruda: A Survey of His Work* (1960). A year later on the basis of this book, he defended his PhD dissertation. Subsequently, its author, critically reflecting on his experience, admitted that he often followed some officially imposed stereotypes in the interpretation of Neruda's work and evolution. At the same time, even in this book one clearly sees an attempt to overcome the stereotypes, especially with regard to the attribution of Neruda's poetry to the method of socialist realism, and to understand the poetic world of the Chilean poet not only in connection with his political activities. L.S. Ospovat became widely known as the author of two books from the series "Life of Outstanding People" — *Federico Garcia Lorca* and *Diego Rivera* and a number of brilliant articles and prefaces. The result of Lev Ospovat's Latin American studies was the book *New Latin American Novel* he co-authored with his wife; the book retains its value up to nowadays. At the end of his life Ospovat became interested in Pushkin studies and published several articles containing interesting discoveries in this area. The article is accompanied by fragments from Lev Ospovat's memoirs that of L.S. Ospovat, which allows the reader to get an idea of the kind, highly intelligent, honest and very attractive person.

Keywords: Lev Ospovat, Vera Kuteyshikova, Pablo Neruda, Federico García Lorca, Diego Rivera, new Latin American novel.

Information about the author: Andrey F. Kofman, Doctor Hab. in Philology, Deputy Director and Head of the Department of Modern European and American literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3799-9343>. E-mail: andrey.kofman@gmail.com.

For citation: Kofman, Andrey. "At the Origins of Russian Latin American Studies. Lev Samoilovich Ospovat — on the Centenary of His Birth." *Literature of the Americas*, no. 13 (2022): 383–399. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-383-399>.

Л.С. Ошват.

Фото из домашнего архива. 1980-е.

Сто лет тому назад, 13 декабря 1922 г., родился замечательный литературовед, искусствовед, писатель Лев Самойлович Ошват (1922–2009). Журнал «Литература двух Америк» не может пройти мимо этого события по той причине, что Лев Самойлович вместе со своей женой Верой Николаевной Кутейщиковой¹ стал одним из основателей российской латиноамериканистики в области литературоведения. Их совместная книга «Новый латиноамериканский роман» не утратила своего научного значения до сих пор.

Беглым пером очертим биографию Льва Самойловича, имея в виду, что ее отдельные моменты будут представлены ниже, во фрагментах его воспоминаний. Он родился в городе Кунгур Пермской области. Лев Самойлович с детства увлекался литературой, знал наизусть сотни стихов. Вскоре после окончания школы в возрасте 19 лет он был призван на фронт Великой Отечественной войны. С августа 1941-го по весну 1943-го проходил службу на Дальневосточном фронте, затем воевал на Центральном, Первом и Четвертом Украинском фронтах Великой Отечественной войны, свой боевой путь завершил в Чехии в мае 1945-го. В 1952-м окончил исторический факультет МГУ и устроился на работу учителем средней школы в селе Троицком Калужской области. Распределение? Желание нести свет знания в деревню? Отнюдь. Это, по совету близких, был способ спастись от кампании против космополитизма. В Москву Лев Самойлович вернулся через четыре года.

К испанской и латиноамериканской литературе Лев Самойлович обратился в большой степени под влиянием своей жены, Веры Николаевны Кутейщиковой, которая с 1943 по 1956 гг. работала в ВОКСе (Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей) и в качестве переводчика сопровождала деятелей культуры из Испании и Латинской Америки, приезжавших в СССР, а в 1956-м перешла на работу в ИМЛИ заниматься историей латиноамериканских литератур. Через жену Лев Самойлович познакомился и подружился

¹ Ее столетнему юбилею была посвящена отдельная статья [Кофман 2020].

с П. Нерудой, затем с Н. Гильеном, Ж. Амаду и Г. Гарсиа Маркесом, которые бывали в гостях в доме семьи.

Свой путь в зарождавшейся советской латиноамериканистике Лев Самойлович начал с изучения поэзии Пабло Неруды. Выбор вполне закономерный: в Советском Союзе, где широкая публика ничего не знала о латиноамериканской литературе, имя чилийского поэта было на слуху. Пабло Неруда, последовательный марксист (член компартии Чили с 1945 г.), был «большим другом Советского Союза». Впервые Неруда приехал в Россию в 1949 г. на 150-летие со дня рождения Пушкина. Вскоре он стал членом Комитета по присуждению Международных Сталинских, затем Ленинских премий в защиту мира; также он являлся вице-президентом Чилийско-советского Института Культуры, тесно сотрудничал с журналами «Иностранная литература», «Новый мир», «Знамя», желанным гостем навещался в Союз писателей, Дом Дружбы с народами зарубежных стран, Комитет защиты мира, Дом актеров, Московское Радио. Поскольку политические симпатии Неруды сложились задолго до того, как он посетил СССР, они не просто определили, но, можно сказать, диктовали ему восприятие Страны Советов со всеми сопутствующими мифами и стереотипами, утвержденными в виде лозунгов в официальной советской идеологии.

Лев Самойлович написал первую книгу на русском языке о чилийском поэте — «Пабло Неруда: очерк творчества» (1960). Год спустя на основе этой книги он защитил кандидатскую диссертацию. Впоследствии ее автор, критически осмысляя свой опыт, признавал, что он подчинялся традиционной схеме описания творческого пути Неруды, согласно которой поэт, после того как обрел свой голос, примерно на десятилетие (1925–1935) оказался в духовной изоляции и писал «герметические» стихи, но испанская гражданская война повлекла за собой перелом в его мировоззрении, в результате чего он «прозрел», и его поэзия «приходит к народу». Вместе с тем уже в этой книге отчетливо прослеживается стремление преодолеть официальные стереотипы (в особенности в том, что касается атрибуции поэзии Неруды к методу социалистического реализма) и понять художественный мир чилийского поэта не только в связи с его политической деятельностью. Видимо, сам поэт внутренне противился советской официальной характеристике его творчества, понимая, что оно не вмещается в тиражируемые схемы. Лев Самойлович рассказывал, как однажды спросил поэта, можно ли причислить его творчество к методу социалистического реализ-

ма. Пабло Неруда понимающе ухмыльнулся и ответил: «Если очень нужно, то можно».

Двадцать лет спустя в статье «Человек бесконечен: о творческой эволюции Пабло Неруды» Лев Самойлович представит радикально обновленную концепцию творческой индивидуальности Неруды. Автор статьи понял и раскрыл магистральную линию развития поэта, который духовными корнями был связан с особенным латиноамериканским космовидением и пытался разнообразными художественными средствами выразить «гул могучей и первозданной латиноамериканской стихии» [Осповат 1981: 84]. Особое внимание в статье уделяется анализу поэтики сборника «Местоительство — Земля», считавшимся образцом «темной», мрачной», «герметичной» поэзии, выражением «глубокого духовного кризиса». Новое углубленное прочтение этой поэзии позволило Льву Самойловичу разглядеть в ней борение противоположных начал — хаоса и гармонии, стремление установить свою связь со всеми явлениями бытия, тягу «к единству, к синтезу неповторимых явлений, вещей, индивидуальностей» [Осповат 1981: 97]. Этим обусловлена характерная черта поэтики сборника — кажущийся хаотичным поток слов, внешне беспорядочное нагромождение образов.

Не оказался обделен вниманием Льва Самойловича и знаменитый кубинский поэт Николас Гильен, еще один «большой друг Советского Союза». Но не этим он привлек начинающего латиноамериканиста, а особенным строем своей поэзии, тесно связанной с народным творчеством. В статье «Николас Гильен и народная песня» [Осповат 1960] Лев Самойлович вскрыл органическую связь его поэзии с песенно-танцевальными жанрами афро-кубинского фольклора, такими как сон, румба и др., и показал, какие тонкие стилистические приемы использует поэт, чтобы воплотить в слове музыкальные особенности этих жанров.

Латиноамериканская поэзия подвигла Льва Самойловича обратить свой взор на «мать-Испанию». Он увлеченно читал испанских поэтов «Золотого века» и поэтов так называемого «поколения 1927 года». Из испаноязычных поэтов Лев Самойлович больше всего понимал и ценил Ф. Гарсиа Лорку. В полной мере эта любовь воплотилась в книге «Федерико Гарсиа Лорка», написанной для серии «Жизнь замечательных людей» (1962; 2-е изд. — 1982). Эта книга создана не в исследовательском, а в художественном жанре биографического романа, и в ней автор раскрыл все грани своего писательского таланта. В интерпретации Льва Самойловича главная черта характера Лорки — его необычайная

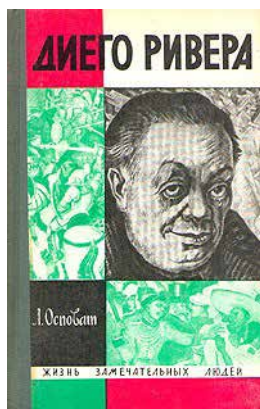
восприимчивость, его открытость всем токам культуры, в особенности культуры фольклорной.

Еще дважды Лев Самойлович обращался к творчеству Лорки, но уже в научном жанре. Во вступительной статье в книге «Федерико Гарсиа Лорка. Об искусстве» (1971) он пишет о скрытой полемике Лорки с философом Х. Ортегой-и-Гассетом, с его знаменитой книгой «Дегуманизация искусства». Отвергая программу элитарного искусства, поэт противопоставлял ей искусство, обращенное к широким слоям читателей, растущее от корня народной культуры. В статье «Трагическая гармония Федерико Гарсиа Лорки» он проводит детальный анализ знаменитого «Романса об испанской жандармерии», раскрывает пронизывающую романс антитезу «цыгане / жандармы» как противопоставление мира человеческого, чувственного — чудовищному бездушному миру и приходит к выводу о том, что поэт сам развенчивает созданный им миф о «чистоте» народного начала, ибо «жандармы здесь не потусторонняя, невесть откуда взявшаяся сила... но заблудшие, оболваненные сыновья все той же андалузской земли» [Осват 1973: 204].

В соавторстве с И.А. Тертерян Лев Самойлович написал предисловие к книге из серии «Библиотека всемирной литературы» «Испанские поэты XX века» (1977). В этой работе, озаглавленной «Пять испанских поэтов», авторы представляют судьбы и творчество А. Мачадо, Х.Р. Хименеса, Ф. Гарсиа Лорки, Р. Альберти и М. Эрнандеса. Этих поэтов объединяет неприятие франкизма и трагичность судеб: трое погибли во время и вследствие гражданской войны, двое окончили жизни в изгнании.

Лев Самойлович отличался очень широкими и разносторонними интересами. И все же трудно было предположить, что он выступит на поле искусствознания. Его следующая книга — «Диего Ривера» (1969, серия ЖЗЛ) — написана в том же жанре биографического романа, что и предыдущая в этой серии, но эта книга посвящена художнику. Нельзя писать о художнике, не понимая, что и как он делал, так что автору книги пришлось основательно изучить искусствоведческую терминологию, техники живописи и прочие специфические области знания.

А кроме того, Лев Самойлович тщательно и достоверно воссоздает культурную, в том числе и литературную атмосферу Европы, где с 1901 по 1921 жил Ривера, и Мексики 1920–1950-х.

Затем — новый поворот к латиноамериканской литературе, когда в соавторстве с В.Н. Кутейщиковой создается книга «Новый латиноамериканский роман: 50–60-е годы» (1976); вскоре вышло второе дополненное издание под названием «Новый латиноамериканский роман: 50–70-е годы» (1983). К тому времени российская латиноамериканистика в области изучения литературы вышла на новый этап своего развития, когда активно функционировал журнал «Латинская Америка», в ИМЛИ сформировалась группа латиноамериканистов, увидели свет многочисленные научные публикации И.А. Тертерян, В.Б. Земскова, В.Н. Кутейщиковой, когда уже интенсивно шла работа над первым томом пятитомной «Истории литератур Латинской Америки». Новые идеи и подходы, выпестованные в этих трудах, нашли отражение в книге Л.С. Осповата. Она состоит из введения, заключения и восьми глав, посвященных творчеству именитых латиноамериканских прозаиков, таких как М.А. Астуриас, А. Карпентьер, Х. Рульфо, К. Фуэнтес, А. Роа Бастос, Х. Кортасар, М. Варгас Льоса и Г. Гарсиа Маркес. При теоретическом осмыслении феномена «нового» латиноамериканского романа авторы критически отвергают ряд сложившихся в зарубежном литературоведении концепций, имеющих целью отыскать некую единую обобщающую формулу своеобразия этой прозы. Они заявляют (и анализ творчества указанных писателей подтверждает их правоту), что ни «магический реализм», ни «барочность», ни «выражение духовного кризиса Западного общества», ни прочие формулы не способны в полной мере охарактеризовать латиноамериканский роман как многообразную целостность, которая развивается и видоизменяется на наших глазах. Единственным «общим знаменателем» столь разнородных произведений, по мысли авторов, «является художественно-идеологическое сознание, которое к середине XX века складывается в Латинской Америке и наиболее полно выражается в романе» [Кутейщикова, Осповат 1983: 8]. Главная особенность этого сознания состоит в том, что оно в равной степени отстоит как от европоцентризма, так и от американоцентризма: оно всеохватно, вбирает в себя все эпохи, все культурные пласты, их синтезирует и преобразует в новое качество. Хотя оно объединяет различные типы мышления, «общей его основой является многообразное и вместе с тем целостное бытие народов континента» [Кутейщикова, Осповат 1983: 24]. Иным,

чем в Европе, становится взаимодействие этого сознания с мифологическим мышлением, которое в Латинской Америке остается живым и не менее современным, чем мышление цивилизованное. Таким образом, «новый» латиноамериканский роман не просто обращается к мифу, но сопрягает два типа сознания; соответственно, происходит столь тесное взаимодействие фантастического и реального, что они становятся неразделимы и неотличимы. Наконец, своеобразие художественного сознания латиноамериканского романиста выражается в необыкновенной свободе творчества и обращения с художественным материалом.

Последняя значительная работа Льва Самойловича в области латиноамериканистики — предисловие «Добро пожаловать в лавку чудес» [Осповат 1993] к собранию сочинений Ж. Амаду.

С 80-х гг. Лев Самойлович занялся пушкинистикой и опубликовал три работы о русском поэте, которые содержат ряд интересных открытий и наблюдений.

Если бы меня попросили всего одним словом охарактеризовать душевный склад Льва Самойловича, то я бы выбрал слово «несуетность». Член Союза писателей с 1962 г., он был очень далек от всякого рода интриг, дрязг и злословия, которые процветали в литературной и околотитулярной среде; он не гонялся за почестями и наградами; как его жена, был совершенно равнодушен к быту и к «материальному достатку». Радость жизни для него состояла в том, чтобы читать книги, слушать классическую музыку, наслаждаться живописью, заниматься научным и литературным творчеством, общаться с друзьями. Между прочим, он состоял в дружеских отношениях с А.И. Солженицыным, в числе первых прочитал «Один день Ивана Денисовича» еще до публикации повести в «Новом мире» и сказал, что это великий писатель.

В конце жизни Лев Самойлович обратился к мемуарному жанру. Слово «мемуарь» рождает у читателя определенного рода ассоциации: толстенная книга, автор которой начинает чуть ли не со своей родословной и далее последовательно и дотошно описывает детство, отрочество, юность и т. д. Воспоминания Льва Самойловича — совсем иного рода. Это разрозненные эпизоды, мимолетные впечатления, разноцветные бусинки, нанизанные на нить жизни в произвольном порядке. Лев Самойлович и писал их произвольно, отчего его воспоминания получили название «Как вспомнилось». Ниже вниманию читателя предлагаются несколько фрагментов воспоминаний Л.С. Осповата.

ЛИТЕРАТУРА

Кофман 2020 — *Кофман А.* Матриарха российской латиноамериканистики // *Литература двух Америк*. 2020. № 9. С. 283–307. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-9-283-307>

Кутейщикова, Осповат 1983 — *Кутейщикова В.Н., Основат Л.С.* Новый латиноамериканский роман: 50–70-е годы. М.: Сов. писатель, 1983.

Осповат 1993 — *Основат Л.С.* Добро пожаловать в лавку чудес // *Амаду Ж.* Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Нев. рекл.-изд. компания, 1993. Т. 1. С. 5–12.

Осповат 1960 — *Основат Л.С.* Николас Гильен и народная песня // *Вопросы литературы*. 1960. № 12. С. 166–184.

Осповат 1973 — *Основат Л.С.* Трагическая гармония Федерико Гарсиа Лорки // *Вопросы литературы*. 1973. № 7. С. 184–204.

Осповат 1965 — *Основат Л.С.* Федерико Гарсиа Лорка. М.: Молодая гвардия, 1965. (Серия «Жизнь замечательных людей»)

Осповат 1981 — *Основат Л.С.* Человек бесконечен: о творческой эволюции Пабло Неруды // *Вопросы литературы*. 1981. № 12. С. 80–121.

REFERENCES

Kofman 2020 — Kofman, Andrey. “Matriarkha rossiiskoi latinoamerikanistiki” [“Matriarch of Latin American Studies in Russia”]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 9 (2020): 283–307. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-9-283-307> (In Russ.)

Kuteishchikova, Ospovat 1983 — Kuteishchikova, Vera N., Ospovat, Lev S. *Novyi latinoamerikanskii roman: 50–70-e gody* [New Latin American Novel, 1950–70-ies]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1983. (In Russ.)

Ospovat 1993 — Ospovat, Lev S. “Dobro pozhalovat' v lavku chudes” [“Welcome to the Miracle Shop”]. In Amado, J. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols.], vol. 1. St. Petersburg: Nevskaiia reklamno-izdatel'skaia kompaniia Publ., 1993: 5–12. (In Russ.)

Ospovat 1960 — Ospovat, Lev S. “Nikolas Gil'en i narodnaia pesnia” [“Nicolas Guillen and the Folk Song”]. *Voprosy literatury*, no. 12 (1960): 166–184. (In Russ.)

Ospovat 1973 — Ospovat, Lev S. “Tragicheskaiia harmoniia Federiko Garsia Lorki” [“Federico Garcia Lorca’s Tragic Harmony”]. *Voprosy literatury*, no. 7 (1973): 184–204. (In Russ.)

Ospovat 1965 — Ospovat, Lev S. *Federico Garcia Lorca*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1965. (In Russ.)

Ospovat 1981 — Ospovat, Lev S. “Chelovek beskonechen: o tvorcheskoi evoliutsii Pablo Nerudy” [“The Man Is Endless: Pablo Neruda’s Artistic Evolution”]. *Voprosy literatury*, no. 12 (1981): 80–121. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лев ОСПОВАТ

КАК ВСПОМНИЛОСЬ Фрагменты

ЛОРДЫ И ГРАФЫ

Классе в восьмом, начитавшись Дюма и Стивенсона, спасаясь от школьной, да и домашней скучищи, основал я тайное общество, так и назвал: Тайное общество лордов и графов, сокращенно — ЛОГРА. Почему — лорды? Откуда — графы? Так захотелось — безграмотно, но эффектно.

В общество принимались одноклассники, умеющие хранить тайну, одноклассницы, тайну хранить не умеющие, не принимались.

А в чем состояла тайна? Ее попросту не было, был только повод для присвоения звучных титулов и секретной зашифрованной переписки, в которой использовалась найденная в старом журнале тарабарская азбука, где согласные менялись местами, а гласные оставались на месте, так что «школа» писалась — «втоса», а мой друг Жорка — «Хомта», я же «Сешта»... А запретное слово «любовь» заменялось ужасным «сющощь».

Бессмысленная эта игра вскоре нам надоела и сама собой прекратилась бы, но тут и произошло: лорд-хранитель печати Вовка Хурда заложил в книжку «Как закалялась сталь» листки с зашифрованной перепиской на тарабарском языке. Его родители дали почитать эту книжку соседу. А на дворе стоял уже незабвенный тридцать седьмой. Ночью за соседом пришли и при обыске обнаружили секретные документы тайного общества лордов и графов. Вызвали Вовку, он разревелся, назвал остальных, и начали нас таскать на допросы в дом на улице Серышева.

Нам повезло: следователь оказался незлым и ужасно смешливым. Допрашивая перепуганных мальчишек, он исправно стучал кулаком по столу, матерился, но порою вдруг прыскал и сквозь смех едва выговаривал:

— Какие вы лорды, какие графы, засранцы вы!

Мы соглашались. Поклялись, что больше не будем. Как ни странно, тем дело и кончилось. Но чем оно кончилось для бедняги

соседа, у которого обнаружили секретные зашифрованные документы тайного общества, — этого мы никогда не узнали.

МИЛАЯ, ПОГОДИ!

Приближаясь к Москве, эшелон замедляет ход. Реже постукивают колеса. Отодвинув тяжелую дверь, свесив ноги наружу, любуемся жизнью, которая медленно плывет мимо нас слева направо, с запада на восток, исчезая за поворотом.

Вдруг из дверного проема, идущего впереди вагона, где сидят солдаты, так же, как мы, свесив ноги, доносится не ругань, не смех, а молитвенный возглас:

— Милая, погоди!

И перед нами медленно проплывает слева направо, с запада на восток, будка стрелочника. А на пороге женщина — голая? — нет, нагая! Раскинула руки, подставив себя апрельскому солнышку и нашим ненасытным глазам. Дразнит? Зачем это? Не затем ли, чтобы солдаты в последний раз нагляделись на то, чего, может быть, уже никогда не увидеть им?

До сих пор, случается, вижу во сне: будку стрелочника, женщину на пороге, исчезающую за поворотом, и пересохшими, как и тогда, губами шепчу:

— Милая, погоди!

КРАТКИЙ ОПЫТ НЕБЫТИЯ

Что такое «не быть», я узнал в селе Церквище Сумской области.

Щель, куда я спрятался от бомбежки, завалило землей чуть не вровень с краями. Ничего я не запомнил. Очнулся — дышу. Существовую. Лежу на травке. Приподымаюсь — земля с меня сыплется.

Ребята отряхивают с лопаток эту же землю, пот утирают со лбов. Смеются:

— А мы уже поспорили. Одни говорят: «Откапывай!» Другие: «На хрен откапывать?»

Может, звездой накрылся младший сержант, придется обратно его закапывать — двойная работа!»

А ты жив-здоров. Примета добрая — жить будешь долго.

И в самом деле: долго живу!

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Ефрейтор Ялмурзин Борис Ильич, сорокалетний чуваш, казавшийся нам пожилым, шофер божьей милостью, один на немногих мудрых людей, кого я узнал за целую жизнь, опекал меня по-отцовски, учил уму-разуму.

Однажды, мотнув головой в сторону Дуськи Прохоровой, поварихи нашей, хлопотавшей у армейской кухни, — щеки пылают, грудь выпирает из гимнастерки, — говорит мне мечтательно:

— Вот, Левка, отвоюем, вернешься домой, на гражданку, какую жену тебе нужно — обстирает, накормит, детей вынянчит, придешь домой пьяный — не попрекнет, рядом положит, и тут уж только не оплошай...

Помолчал и, махнув рукой, горестно:

— Да что! Вижу тебя насквозь: поедешь в Москву, женишься там на стриженной, она будет бегать по собраниям, а дома — дите обосранное.

АННА АЛЕКСЕЕВНА

— Счастье ваше, что вы фронтовик, а не то вас в моей избе стены бы съели! — говорила хозяйка, у которой снимал я угол в селе Троицком Кондровского района Калужской области, где с ноября пятьдесят второго преподавал историю в средней школе.

Определив меня на квартиру, директор школы сказал:

— Еще будете благодарить!

Значение этих слов я понял в первую же субботу, когда разбудил меня сладостный запах, напомнивший осень сорок четвертого, Западную Украину и тот подвал, где мы, радисты, гнали из буряка самогон... Неужто?!..

Тут хозяйка Анна Алексеевна стукнула в перегородку:

— Лев Самойлыч! Идите пробу снимать!

В самом деле: посреди избы возвышался источник вдовьего существования — аппарат, из которого капал отменный первач!

С хозяйкой мы подружились на беспринципной основе: отлучаясь в Москву, я привозил ей дрожжи, она же не скупилась на угощение. Выпивали вдвоем, обсуждая политические события, о ко-

торых вещала радиотарелка, висевшая над столом и не умолкавшая ни на минуту.

В начале марта пятьдесят третьего года она известила о кончине Отца родного, и хозяйка, смахнув слезу, вздохнула:

— Отработался наш старик!

А еще через месяц та же тарелка сообщила нам, что врачи-убийцы, покушавшиеся на жизнь Отца родного и его верных соратников, уже не убийцы, и даже напротив того.

Хозяйка моя пригорюнилась:

— Ну, Лев Самойлыч, только мы вас и видели, уедете вы отсюда!

Я возразил лицемерно:

— Да что вы! Причем это тут?

— Бросьте! Что я, не понимаю, что вы здесь торчите, потому что в Москве на вашу нацию навалились? Скоро вернетесь домой!

Так и вышло.

ДРУГАЯ АЛЕКСЕЕВНА

Еще одну Алексеевну — Екатерину Алексеевну Фурцеву — вспоминаю не без приятности. Тому есть три причины.

Первая. В августе пятьдесят третьего уже переведенный из Калужской области в распоряжение Мосгороно, которое тем не менее по-прежнему не дает мне работы, сочиняю письмо в МК партии, отношу его на Старую площадь, и через несколько дней, перед самым началом учебного года, меня вызывают в московскую школу, где буду работать. Директор школы:

— В Мосгороно мне показали вашу бумагу, на которой секретарь МК Фурцева размашисто написала: «Немедленно предоставить работу». А могла бы и не написать...

Причина вторая. Лет десять спустя чилийский посол в ресторане гостиницы «Националь» давал обед в честь Пабло Неруды. На обед среди прочих были приглашены министр культуры Фурцева, Илья Эренбург, Савичи и Вера Кутейщикова с мужем, к тому времени уже автором книжки «Пабло Неруда». Был еще там важный чиновник из МИДа, который, заглядывая в шпаргалку, начал бубнить многословный тост за здоровье Неруды как выдающегося общественного деятеля, лауреата международной премии, борца за мир во всем мире... Остановив его изящным взмахом руки, министр культуры воскликнула:

— Ах, оставьте! К чему здесь все эти слова? Ведь мы имеем счастье видеть и слышать Поэта! (Заглавная буква в слове «поэт» была обозначена интонацией.)

Эренбург проворчал:

— Это вы, Екатерина Алексеевна, хорошо сказали.

А Фурцева, театральным жестом прижав руку к сердцу, воскликнула:

— Похвала Эренбурга дорогого стоит!

И третья причина — рассказ артиста МХАТа Всеволода Абдулова, игравшего в культовом — как теперь бы сказали — спектакле «Соло для часов с боем», где были заняты великие старики: Андровская, Грибов, Яншин. Как-то на очередной спектакль в театр заявила министр культуры, слегка навеселе. У себя в ложе она, по-видимому, еще добавила, потому что начала вмешиваться в действие, подавая реплики типа: «Не верь этому, с бородкой, обманет!» Когда же спектакль подошел к концу, Фурцева вышла из ложи, взобралась на сцену и, подойдя к веренице раскланивавшихся актеров, — то ли от избытка эмоций, то ли ноги уже ее не держали — рухнула на колени перед народным артистом Грибовым. А Грибов, не будь дурак, стал перед ней на колени. И так они оба стояли посреди сцены под аплодисменты зрителей, покуда не дали занавес.

А теперь скажите мне, был ли в нашей советской стране другой министр культуры, способный стать на колени перед артистом хотя бы спьяну?

СТАРИНУШКА РОМУАЛЬДЫЧ

Так мы, любители Ильфа-Петрова, помнившие наизусть «Золотого теленка», звали между собой Григулевича Иосифа Ромуальдовича, известного латиноамериканиста, специалиста по Ватикану, члена-корреспондента, автора многих как бы научных трудов и популярных книжек, а в прошлом разведчика и, между прочим, участника успешного покушения на Троцкого Льва Давидовича.

Был он умен, циничен, глаза имел маслянистые, руки пухлые, говорил о себе: «я караим!», не забывая прибавить, что Гитлер караимов не трогал.

Ко мне Ромуальдыч был благосклонен, даже не осерчал, когда редакция «ЖЗЛ», где лежала его заявка на биографию Диего Риверы, заказала эту биографию мне. При встрече спросил:

— Как же ты будешь писать о Диего Ривере, не поговорив с Рамоном Меркадером?

— Да где ж его взять?

— Приходи ко мне в воскресенье! По воскресеньям он у меня обедает, золотой парень!

А я не пошел. Только представлю себе: пожимать эту руку, сжимавшую ледоруб! До сих пор ругаю себя: какой же ты после этого литератор? Чистоплюй!

ТАКИМ СЧАСТЛИВЫМ!

Рассказывал Ромуальдыч, как, воротившись окончательно из-за границы в Москву с женою и дочкой, написал он письмо товарищу Сталину о плачевном состоянии нашей разведработы в странах Латинской Америки. «Был я тогда помоложе и позадорней, изложил факты, высказал соображения, отнес на Старую площадь. Жду неделю, другую, а тут наступают тревожные времена, исчезают один за другим знакомые. Как-то ночью звонок в дверь. Открываю - полковник.

— Григулевич?

— Так точно.

— Поехали.

Я уже ко всему был готов. Обнял жену, поцеловал дочку, едем...

Первый раз отлегло от сердца, когда миновали Площадь Дзержинского и — не захав в известный дом! — поехали дальше через всю Москву до какой-то окраины.

Огромное здание, свет во всех окнах. Поднимает на лифте, ведет по коридорам, заводит в приемную.

— Ждите!

Жду.

Открывается дверь внутренняя. Генерал с папкой в руке:

— Кто здесь Григулевич?

— Я.

— Вы писали письмо товарищу Сталину?

— Писал...

— Товарищ Сталин приказал передать вам, — раскрывает папку, читает, — что вы дур-рак! Поняли?

— Так точно!

— Идите!

По коридорам, на лифте. Вышел. Светает. Ни души. Транспорта — никакого! Пер я домой пешком через всю Москву, и, знаешь, Лева, таким счастливым я еще никогда в жизни не был!»

НАШ КОРОЧЕ

Однажды, участвуя в беседе с Генрихом Беллем, когда речь зашла о сравнительных достоинствах и пороках различных режимов, я решил спросить его (разумеется, через Копелева): какой, по его мнению, тоталитаризм был хуже — немецкий или советский? И он, подумав, ответил: «Оба хуже, но наш — короче».

БЕССМЕРТИЕ

В Ленинке возле каталога окликает меня Леонид Авелевич — библиограф по профессии и по призванию.

— А давайте посмотрим, сколько тут карточек на вашу фамилию.

Посмотрели, пересчитали: штук двадцать.

Говорит с уважением:

— Двадцать! Да это уже слава!

— Если это, по-вашему, слава, так что же такое бессмертие?

— Бессмертие?.. Разделитель!

© 2022, А.Ф. Кофман

Дата поступления в редакцию: 07.09.2022

Дата одобрения рецензентами: 12.10.2022

Дата публикации: 25.12.2022

© 2022, Andrey F. Kofman

Received: 07 Sept. 2022

Approved after reviewing: 12 Oct. 2022

Date of publication: 25 Dec. 2022